

**ТАТЬЯНА
ВОЕВОДИНА**

УПРАВЛЯЕМЫЙ

ХАОС

ПРОЕКТ ЗАКРЫТИЯ РОССИИ

Татьяна Воеводина

**Управляемый хаос, или
Проект закрытия России**

«Алисторус»

2018

УДК 82.929

ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Воеводина Т. В.

Управляемый хаос, или Проект закрытия России /

Т. В. Воеводина — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-906995-45-2

Татьяна Владимировна Воеводина – предприниматель, публицист и блогер. Родом из г. Коломны Московской области. Окончила Московский институт иностранных языков по специальности «переводчик» и Московскую государственную юридическую академию со специализацией по гражданскому праву. Работала в Министерстве Внешней торговли, в Итальянско-российской торговой палате, в качестве представителя в Москве итальянской компании группы ФИАТ. С 1998 г. занимается предпринимательством, владеет агробизнесом в Ростовской области. И все это время выступает в прессе по вопросам экономики, бизнеса, актуальным вопросам современности. Обладает уникальным умением одной точной, четкой фразой передать любую мысль, что волнует наших соотечественников, оттого и становится одним из самых цитируемых авторов и самых популярных блогеров. С детьми сегодня никто серьезно не говорит, им просто оказываются «образовательные услуги». ВУЗы – просто пункты передержки молодняка и легальной его отмазки от армии. Государство скорее соорудит космодром, чем организует приличную сеть закусочных. Когда базовые отрасли – в руках иностранцев, о независимости говорить не приходится. Мы можем научиться делать всё, что нужно, если не будет соблазна взять и купить. Современный мир – это перемалывание ресурсов планеты, которое множит свалки. Революция – это не заря новой жизни – это зримое разложение старой. Т. Воеводина – автор «Литературной газеты», газет «Завтра», «Россия навсегда», журнала «Знамя» и др. «Ну что ж, такой автор делает газетам честь!» – сказал один из читателей. Мы же представляем первую книгу избранных статей популярного блогера и публициста.

УДК 82.929

ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-906995-45-2

© Воеводина Т. В., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Часть 1	6
России хуже нет? Считать Родину хорошей не каждому дано	6
Три слоя предательства элит	8
Культурный субстрат предательства элит	9
Дух и характер	14
Вспоминая Брежнева	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Татьяна Воеводина

Управляемый хаос, или Проект закрытия России

Часть 1

Считать Родину хорошей дано не каждому

России хуже нет? Считать Родину хорошей не каждому дано

Ругать свою страну – о, тут мы преуспели, как мало кто. И даже не то что ругать, – оплёвывать, порочить, напрочь отрицать. Плохо всё – от истории до климата, от народа до географического положения. Высшая власть – само собой: хуже не бывает. На этом зачастую сходятся и либералы, и патриоты при полной поддержке неопределёвшихся.

Тех, кто на дух не переносит свою страну, принято звать русофобами – неудачный термин: фобия – это страх, соответственно, и русофобы – те, кто боится России. Современный русский интеллигент – он не боится, он презирает свою страну с позиции известной ему высшей правды и полагает, что только ниспровержение господствующих порядков способно поправить дело.

Я не о пресловутой пятой колонне, получающей гранты, – тут никакой особой загадки нет. Я о бескорыстных ненавистниках, которые ничего за это не получают. А таких – немало. Особенно среди интеллигенции. Завелась эта умственная привычка не сегодня и не вчера: и сто, и больше лет назад так было. В чём же дело? Мне кажется, в дряблости характера и трусоватости. Вообще, политические пристрастия коренятся не столько в умственной сфере, а более всего – в характере. Так, между прочим, думали Л. Толстой и Ф. Достоевский. Считать свою страну прекрасной, а жизнь полной возможностей – трудно и ответственно. Не всякому по плечу.

Это что ж получается: ты можешь всего достичь?

А если не достигнешь – сам виноват?

Думать так – значит поместить себя на холод и ветер жизни, приняв на себя всю ответственность за то, что с тобой происходит в каждый момент, а также за жизненные результаты в целом.

Не-е-е-т, такого не надо!

Мы (в массе) любим жить по возможности, жить в душевном тепле и уюте и за свою жизнь не отвечать. И вообще, пока не будет свергнута гэбистская хунта (господство партократов, тоталитарный строй, самодержавная монархия, монголо-татарское иго – нужное подчеркнуть), о каких достижениях можно говорить?

Если приводишь примеры успеха обычных людей, начинают спорить: это-де не в счёт, это исключения.

Считать свою страну хорошей – так же ответственно, как считать себя здоровым. Здоровый – значит, и спрос с тебя по полной. А больной, слабый – ну что с такого взять! Многие уходят в болезнь, ища в ней убежища от холода и ветра жизни. Это своего рода внутренняя льгота, которую ты сам себе выдал – то, что психологи называют «вторичной выгодой». Мно-

гие, кстати, наживают подлинные болезни, чтобы в них нырнуть. Такой же внутренней льготой для многих является проживание в «ужасной» стране, где порядочному человеку нет ходу.

Где-то здесь пролегает радикальное различие между нашим сознанием и американским. Те массово верят, что живут в стране, где энергичный парень может достичь всего. При этом известно: девять из десяти новых бизнесов в США погибает в течение первого года жизни. Я не про прибыль – просто погибаются. Но тамошним стартаперам не приходит в голову приписывать неудачу начальству или стране. Что-то начинают заново, только и всего. А наши обычно с тайным облегчением начинают ругать страну; в этом, кстати, одна из причин «почему Россия не Америка»...

Мне кажется, нам – каждому из нас – надо больше верить в себя и больше полагаться на собственную активность. Наш человек любит возлагаться на внешние обстоятельства, а хорошо бы научиться создавать эти обстоятельства. Для начала – в своей маленькой жизни. Тогда, глядишь, и страна покажется – и окажется – гораздо лучше, чем представляется теперь.

Три слоя предательства элит

В газете «Завтра» опубликована обстоятельная статья Михаила Делягина «Глобализация и предательство элит». Всё то, что пишет автор – абсолютно верно. Но он затрагивает лишь верхний слой этого явления – глобального предательства «отечества отцов» – экономический. Споры нет: перерождение элит произошло «в силу торжества рыночных отношений и, соответственно, рыночных идеалов», как справедливо пишет автор.

Но у явления несколько слоёв: экономический на поверхности, а глубже лежат другие слои – культурный, и ещё глубже лежит дух и характер народа.

Нельзя не обратить внимания на то, что пресловутое «предательство элит» произошло на фоне глубоко укоренённого западнизма российского образованного слоя, так называемой интеллигенции. Не будь этого фона, даже не фона, а всей прозападной духовной атмосферы общества, которую неосознанно впитывали все воспитанники советской интеллигенции – вполне возможно, переход на сторону врага нашей элиты не прошёл бы так легко и естественно. Может, его бы и вовсе не было. А оно было и не встретило никакого сопротивления, словно возвращение на духовную и культурную родину – в «отечество сердца и воображения», как сказал какой-то автор XVIII века о Франции.

У предательства элит – толстый, унавоженный, любовно ухоженный, нанесённый за многие десятилетия культурный субстрат. Остановимся на нём.

Культурный субстрат предательства элит

В сознании нашего народа (или в коллективном бессознательном – если кто любит наукообразную терминологию) с незапамятных времён живёт бацилла. Своего рода ментальная зараза. Зараза низкопоклонства перед Западом. Иногда болезнь принимает острую форму, доходя до горячки с бредом, как это было в эпоху перестройки и того, что за ней воследовало. В то время, помнится, мой сын (тогда ему было лет десять) меня удивил. «Хочу, – говорит, – быть иностранцем». Не пожарным, не космонавтом, не героем – иностранцем. Ребёнок впитал общую атмосферу: лучшее – это иностранное, значит лучшие люди – иностранцы. Я хочу быть лучшим, значит, хочешь – не хочешь, становись иностранцем. Вполне логично. Бывают периоды, когда очаг западнизма воспаляется, бывает – болезнь носит малозаметную, хроническую форму, но полностью никогда не исчезает.

Общепринятый взгляд: это началось это с эпохи Петра I, с его насильственной модернизации и европеизации дворянства. Именно Пётр привёз множество «немцев», у которых велел учиться. В результате у русских людей сложился взгляд на европейца снизу вверх – как на учителя. Отсюда – принято считать – и наши давние традиции низкопоклонства. Классик русской литературы полунемец Герцен писал: «Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде, как европейцы смотрят на столичных жителей, – с подобострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая. Дело в том, что мы были застрашены и не оправились от насмешек Петра I, от оскорблений Бирона, от высокомерия служебных немцев и воспитателей-французов» (Былое и думы. М. Правда, 1983, с.138).

Это, безусловно, верно. Но это скорее констатация факта, чем его объяснение. Почему за многие десятилетия и даже века мы так и не смогли «переварить» и преодолеть своего ученического положения? В конце концов, все народы мира, как и люди, учатся друг у друга, но потом – как-то вырывают на собственную дорогу и нередко превосходят своих учителей. В незапамятные времена итальянцы заимствовали свой национальный символ – макароны – в Китае, а англичане научились обрабатывать свою знаменитую шерсть во Франции, в Бургундии. Ну, научился – и иди дальше, развивайся. А мы свою второсортность мы своеобразно оберегаем, лелеем, словно боимся потерять. Не вполне понятно: почему мы-то так заиклились. Но об этом поговорим чуть дальше.

Сознание своей второсортности доходит у нас до мазохистского восторга.

Интеллигенты любят такую мысль: у нас же нет ничего своего! Моя приятельница-интеллигентка любит восклицать: «Нас нигде нет!». Посмотрите любую энциклопедию: там все имена западные, все открытия сделали они, всё изобрели немцы-англичане. Можно добавить, что и все наши руководящие учения – заимствованные: что марксизм, что либерализм. Меж тем у нас были и есть идеи и люди, способные их производить. Но мы как-то их не ценим, сами себе не верим. Не верим, что способны придумать что-то ценное. Одновременно верим, что всё уже придумано «немцами».

Сейчас В. Ю. Катасонов с сотрудниками по Русскому экономическому обществу им. Шарапова делает большое дело: собирает и публикует произведения наших отечественных экономистов, которых было много, и которые забыты вместе с их ценными идеями. Причём идеями самобытными, учитывающими наши жизненные обстоятельства. Но нет же, мы готовы преклоняться перед Адамом Смитом, боготворить беглого португальского еврея, биржевого игрока Давида Рикардо, но не принимать в расчёт своей собственной оригинальной мысли.

Помню, в начале 90-х годов в Институте экономики РАН была одна женщина – научная сотрудница, изучавшая наследие нашего национального хозяйственного мыслителя – Посошкова и вообще русские мысли о богатстве народов. Её считали какой-то странновато-глупова-

той и всерьёз не принимали. Она любила заходить к нам (мы тогда арендовали в институте помещение под офис), т. к. учёные коллеги относились к ней жалостливо-юмористически, как к городской сумасшедшей. Это очень обычно для сознания типичных научных работников и вообще советско-российских интеллигентов: своим собственным, родным, способны интересоваться только чудачки. Собственная, отечественная мысль кажется чем-то вроде художественной самодеятельности, а случись потребность в чём-то подлинно важном – надо обратиться к мысли западной.

Отсюда – жажда признания на Западе. Быть принятым на Западе, быть оценённым на Западе, бывать на Западе – это было неоспоримым и непререкаемым благом в сознании русского и советского образованного класса. А сознание советской элиты, которая и совершила акт выдающегося, исторического предательства своего народа и государства, о чём пишет Михаил Делягин, – это неотъемлемая часть сознания советского образованного класса. Собственно, их, мегапредателей, сознание – это и есть типичное сознание советского образованного класса; просто они оказались поэнергичнее обычного интеллигента: интеллигент лишь разговоры разговаривал, а они – действовали.

И Горбачёв, и Чубайс, и Гайдар, и все прочие учились в советских институтах, слушали те же лекции, думали все те же мысли, вели все те же разговоры, что и нормальный советский интеллигент. Гайдар – так и вовсе трудился в том самом Институте экономики; там даже у лифта висело объявление, призывающее его сдать книги в библиотеку.

Между прочим, я вполне даже готова допустить, что Горбачёв в своём предательстве действовал изначально бескорыстно. Исключительно из нашей традиционной восторженности и радостной готовности распластаться перед Западом. Чтоб взрослые (Запад) похвалили маленького мальчика, признали своим. Чтоб экзальтированные западные обыватели махали флажками и орали: «Горби! Горби!» – вот радость-то, светлый праздничек, именины сердца. Да за это полстраны не жалко! Забирайте!

С Ельциным такая же история: ведь это ж надо, простой уральский парень – и вдруг принимают его на самом Западе, по плечу хлопают, за своего держат.

В этом желании нравиться есть что-то ли детское, то ли женское, но никак не мужское, не мужественное – хлипкое.

Тургенев в мало читаемой (и очень напрасно!) повести «Дым» рассказывает: степной помещик, богатый, с трепетным пиететом входит в «позорную гостиную» какой-то дамы полусвета, шлюхи, по существу дела. «Где же это я? – думает он с восторгом. – У самой Адель!» В общем, повезло парню, жизнь удалась: признали на Западе. Таким вот степным помещиком (и правда ведь – из степи!) был Горбачёв.

Михаил Делягин в силу возраста не помнит 70-е годы – эпоху зрелого застоя и тогдашнюю духовную атмосферу, поэтому, возможно, у него и сложилось впечатление, что предательство советско-российской элиты – это явление последнего времени. К сожалению, уже в 70-е годы верхняя прослойка общества была – готова. Культ Запада достиг такого накала, что самый акт предательства прошёл мирно и без напряжения. «Рашку» слили.

Говорят, в ту пору общество, в частности, молодежь, утратило идеалы. Ничего подобного! Идеал был ясен и крепок: Запад. Тогда редкие люди ездили за границу, но почему-то верили: ТАМ гораздо лучше, там всё сделано правильно, всё по уму. Такая была, выражаясь языком той эпохи, «чёткая идейная позиция». В житейски-практическом преломлении она выглядела как мечта как можно меньше присутствовать «в этой стране». Разумеется, всё это было максимально присуще столичной интеллигенции, провинция была более натуральной, почвенной и, следовательно, патриотичной. Я в 70-х годах училась в московском инязе: там я наблюдала недуг западнобесия в самых цветущих формах, не только инязовцы, но и вся московская молодёжная тусовка была ему подвержена.

У меня есть приятельница, с которой я познакомилась в инязе в те давние времена. Она – учительница иностранного языка на дому. Если находятся переводы – переводит. Никакого наваара она со своего бескомпромиссного западнизма сроду не имела, но страстно предана всему тому, что происходит оттуда. Учительница-надомница так пылко отстаивает всё, что делает США и вообще Запад, будто состоит у Госдепа на окладе. При этом – совершенно бескорыстна, в этом бескорыстии-то и состоит нерв проблемы. Продаться за тридцать серебряников – это понятно: человек слаб, дьявол силен. Но она-то даром, по любви! В ней живёт даже какой-то подспудный страх узнать что-нибудь плохое о Западе, даже не плохое – просто не феерически прекрасное, что может нарушить её идейный гомеостаз. Иногда она присылает мне ссылки на сайт Белого Дома, как подтверждение дивной чистоты и миролюбия Града-на-Холме.

Вот этот с виду малозначительный факт на самом деле – очень многозначительный! Эта симпатичная, очень культурная женщина абсолютно ничего не приобрела от Запада и вряд ли уж теперь приобретёт, но – любит, почитает, преклоняется перед ним. Как-то раз она рассказала мне свой сон: Россию оккупировало НАТО. И немудрено, что ей снятся такие сны: её сознание давно и прочно оккупировано Западом. Таков вот культурный облик самой рядовой московской интеллигентки.

Помнится, в начале 80-х годов мне довелось недолго потрудиться в Минвнешторге. Там я обогатилась таким речевым оборотом: «Х. уехал в длительную командировку в Италию». – «А сколько он ЖДАЛ?». Находясь в «этой стране», можно было только ЖДАТЬ, ждать истинной жизни, которая начинается только ТАМ.

В те годы похвалой удачливому карьеристу, произносимой со смесью зависти и восхищения, было: «Из заграниц не вылазит».

Реального, так сказать, эмпирического Запада никто в то время толком не знал, за микроскопическим исключением, но тем беззаветнее была всенародная любовь. Это и понятно: обожать сподручнее далёкое и неведомое – вроде как рыцарь прекрасную даму. Кстати, в той давней распре славянофилов и западников знатоками Запада были скорее славянофилы, чем западники.

Интеллигенция обожала западные книги, фильмы, журналы – всем этим полагалось восхищаться. Это была своеобразная интеллигентская корпоративная норма – восторг перед Западом. И не могли усомниться: заключают. Свои же и заключают. Всё, что можно было прочесть плохого или просто не феерически прекрасного о Западе, – всё это решительно отвергалось как мерзкая в своём убожестве совковая агитка, придуманная большевиками, чтобы спрятать от народа земной рай – Запад.

Помню, как-то в 70-х годах подруга раздобыла журнал «Elle», мы его жадно прочли. Мне он показался дурковатым. «Ну, тогда тебе надо читать «Работницу»», – осадил меня подруга. Я, конечно, постеснялась признаться, что «Работница» кажется мне куда как умнее. Я даже сама, помнится, внутри себя устыдилась своей отсталости и провинциальности.

А уж на выставках вроде «Быт и моды Италии» стоял форменный лом, не протолкнёшься.

Я вспоминаю эту чепуху, чтобы воссоздать атмосферу. Мы все этим дышали. И покойный Гайдар, мой сверстник, дышал. И старшие товарищи Горбачёв с Ельциным...

Сегодня мы вхохлем: ах, зачем мы стали насаждать западные модели, либерализм, то, сё...

А как могло быть по-другому? Что любили, то и насаждали. Ах, зачем, зачем мы подарили Западу Восточную Германию? Полноте, да разве жалко чего-то для любимого существа? «Коль любить – так без рассудка» – это ведь про нас сказано.

На рубеже 80-90-х годов ВСЁ, приходящее с Запада, автоматически объявлялось феерически прекрасным и подлежащим немедленному «претворению в жизнь», как чуть раньше исторические решения очередного съезда КПСС. При этом обнаруженное в какой-нибудь

одной стране немедленно объявлялось общечеловеческой ценностью и неопровержимым признаком цивилизованности. Суды присяжных или двухступенчатая система высшего образования – всё это объявлялось общечеловеческой ценностью. И плевать, что на самом Западе это скорее исключение, нам не до этих нудных подробностей, нам надо поскорее свалить ненавистный совок и заменить сияющим Западом. «Во всех цивилизованных странах...» – дальше можно было невозбранно нести любую бурду: возразить никто не смел.

Нельзя сказать, чтобы западнизму интеллигенции не пытались противостоять. Ещё при жизни Сталина была запущена кампания борьбы с так называемым космополитизмом и низкопоклонством. Началось с письма академика Петра Капицы Сталину о том, что у нас недооцениваются собственные достижения в области науки и техники. Собственно, Капица-то поначалу просто предложил издать книгу о наших технических изобретениях, сделанных раньше, чем на Западе. Посылая ему рукопись книги сложившегося еще до революции писателя и историка науки и техники Л. И. Гумилевского (1890–1976) «Русские инженеры», П. Л. Капица сообщал, что эта книга была создана по его предложению: «...я ему сказал, что надо бы писать... о наших талантах в технике, которых немало, но мы их мало знаем. Он это сделал, и получилась... картина развития нашей передовой техники за многие столетия. Мы, по-видимому, мало представляем себе, какой большой клад творческого таланта всегда был в нашей инженерной мысли... обычно мы недооценивали свое и переоценивали иностранное».

И «один из главных отечественных недостатков», согласно мысли Капицы, – «недооценка своих и переоценка заграничных сил. Ведь излишняя скромность – это еще больший недостаток, чем излишняя самоуверенность. Для того, чтобы закрепить победу и поднять наше культурное влияние за рубежом, необходимо осознать наши творческие силы и возможности. Ясно чувствуется, что сейчас нам надо усиленным образом подымать нашу собственную оригинальную технику... Успешно мы можем это делать только когда будем верить в талант нашего инженера и ученого... когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других... Что это так, по-видимому, доказывается и тем, что за все эти столетия нас никто не сумел проглотить», – пояснял Капица.

Сталин увидел в этом более обширную проблему, беседа с писателями, сказал: «А вот есть такая тема, которая очень важна, которой нужно, чтобы заинтересовались писатели... Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров... у них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников... Почему мы хуже? В чем дело? Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает... Надо бороться с духом самоуничтожения...» (пересказано К. Симоновым в книге «Глазами человека моего поколения»).

Но дальше советский агитпроп повёл дело с изяществом слона в посудной лавке. Эта кампания осталась в памяти интеллигенции как вакханалия идиотизма. От неё сохранился анекдот о «России – родине слонов» и послевкусие гигантской нелепицы, да ещё и с антисемитским уклоном. В некоторых произведениях И. Грековой, преподавательницы высшей школы, а следовательно, типичной интеллигентки, показана эта кампания как нечто зловеще-нелепое: так она виделась тогдашней интеллигенции. О чём это свидетельствует? Лишь о том, что дурным исполнением можно испортить самые правильные вещи. А что борьба с самоуничтожением была нужным делом – нет сомнения. И нужна не кампания, а повседневная, никогда не прекращающаяся работа. И не борьба с низкопоклонством, а утверждение национального достоинства и воспитание интереса к собственному народу и его достижениям. Потому что бороться надо не против, а за: это гораздо результативнее. Цели следует формулировать положительно.

Да, предательство элит произошло на фоне западнобесия советско-российского образованного класса. И не просто на фоне – это почва, на которой и выросло предательство. Ну а привязанность к Западу – из чего выросла?

Тут есть ещё более глубокий слой – характер нашего народа.

Дух и характер

Страшась быть заподозренным в расизме, великодержавном шовинизме, пропаганде национальной исключительности и прочей неполицкорректности, современные люди (во всех странах) просто боятся обсуждать характеры разных народов. Блюстители «вольности и прав» их совершенно зашугали. Заветы современной политкорректности требуют исходить из того, что все народы, как и люди, – одинаковые.

Но ведь от того, что мы не будем касаться этой скользкой темы, народы, как и отдельные люди, не прекращают иметь свой, вполне реальный характер. Который отражается на всём, что делают народы. То же относится и к отдельным людям. Мне думается, судьба человека – это его характер, развёрнутый во времени, а история коллективной личности – народа – это тоже его характер, развёрнутый на протяжении столетий. Не случайно и в маленькой человеческой судьбе, и в истории народов происходят дивные повторения очень сходных ситуаций.

Так вот русский народ имеет в своём характере мечтательную устремлённость к высшему и горнему, в результате чего часто оставляет в небрежении практические потребности дальнего мира. Попросту говоря, повседневные заботы и дела русскому человеку часто скучны и неинтересны. Заниматься ими он часто начинает, предварительно доведя свои дела до полного раздвоя и упадка.

Русскому человеку в высшей степени свойственна благодушная доверчивость – склонность передоверять свои дела кому-то другому. Будучи по природе добрым и доверчивым до легкомыслия, русский человек охотно передоверяет свои дела тому, кто «знает как». Know-how и значит «знаю как». Для собственного душевного комфорта русский человек считает, что знаток имеется, и он, подлинный знаток, при этом честнейший человек. Русский человек не просто использует знания и опыт этого знатока, а именно передоверяет, с облегчением перекладывает заботу на него. И очень часто искренне полагает, что кто-то будет заниматься его делами с тем же усердием, что и своими, и при этом будет действовать в его интересах.

Нобелевский лауреат по экономике Джеффри Сакс в книге «Конец бедности» рассказывает, как он входил в команду тех, кто при Ельцине переводил советскую экономику на рыночные рельсы. Он прямо признаётся, что ничего не знал о советском хозяйстве и его функционировании. Он вообще воображал, что Россия – это что-то вроде Польши, только в 16 раз больше. И такого знатока не только не вытолкали вназад, а почтительно слушали и претворяли его велемудрые советы в жизнь.

Совершенно не обязательно этим поверенным с неограниченными полномочиями оказывается иностранец, очень часто и свой человек. Просто очень хочется стряхнуть с себя заботу, полагая, что кто-то этим делом занимается. А самому меж тем можно помечтать, подумать о чём-нибудь приятном. Перечитайте хрестоматийный очерк Тургенева «Хорь и Калиныч»: там описаны два противоположных характера – хозяйственный и мечтательный. Разумеется, в любом народе есть те и другие, вопрос, кто преобладает? Русский народ – это скорее народ Калиныч. Русскому часто просто скучна хозяйственная суета, постоянная возня ради наживы – ему бы помечтать о высшем и философском. Любопытно, что такая же ментальность довольно часто свойственна даже тем, кто по идее должен быть поглощён практическими потребностями и интересами, – предпринимателям. Именно для того, чтобы освободить ментальное пространство для столь приятных себе размышлений и душевных воспарений, русский человек и передоверяет свои дела кому попало. Ярчайший образец такого поведения – Илья Ильич Обломов, который постоянно кому-то стремился скинуть свои дела. Реальных Обломовых в жизни было – пруд пруди. Помещик, занимающийся своими делами в первом лице – это было скорее исключение. Недаром Левина из «Анны Карениной» знакомые считали чудачком за его хозяйственные увлечения.

Русский человек легко соглашается, что есть кто-то, кто лучше него знает, как ему, русскому человеку, жить, как надо действовать, куда идти и т. п. Помнится, в каких-то воспоминаниях Ельцин в простоте своей признался: мне сказали, что надо переходить к рынку – ну, я и согласился, вроде дело говорят, а сам я в этом не разбирался. И знаете, я ему верю: это подлинно русский подход. Благодушие плюс легкомыслие плюс склонность передоверять свои дела проходимцам. Мне думается, это и составляет квинтэссенцию того громадного, комплексного и подлинно русского явления, давно уже названного обломовщиной.

Очевидно, спихивать на кого-то свои дела может и политик, и высший управленец – тут никаких ограничений нет. Это свойство представляется мне одним из главных недостатков нашего национального характера. Если мы не передоверяем работу практическую, то уж работу мысли – с огромным удовольствием. С. Г. Кара-Мурза, которому привелось некоторое время преподавать на социологическом факультете МГУ, рассказал, как там преподаются ошметки западной социологии 70-х годов. На первый взгляд, качество, о котором я говорю, напоминает то, что психологи называют перцептивной психологией – надеждой получить все блага извне, а не от собственной активности. Мне думается, в русском характере есть не столько перцептивность, сколько благодушие, легкое верие и склонность передоверять. Могут доверять человеку, а могут – какой-нибудь идее или – как в последние четверть века – невидимой руке рынка.

Шли годы, полыхали революции, гремели мировые войны, а русский характер во многом сохранился в неизменности. Современный бизнесмен то и дело кому-то доверяет, на кого-то надеется, полагается, ленясь или неведь почему уклоняясь от занятий в первом лице собственными делами. Самое обычное дело. Лично я все свои деловые провалы связываю именно с подобным поведением. Но есть у меня и хороший опыт: взяв крепко вожжи в руки и разогнав жуликов и проходимцев, русский человек вполне способен многого достичь своим умом и энергией.

Н. Бердяев писал, что душа русского народа – женственная, она всё «невестится» и ждёт «мужа», который всё организует и объяснит, как жить. Это чрезвычайно верно. Все наши основополагающие, руководящие и направляющие учения – западные: от ленинского марксизма до гайдаровского фритрейдерства. Налицо неодолимая потребность «отдаться», не жить своим умом.

Историческая легенда о призвании варягов – в высшей степени «бабья»: придите и всё организуйте. Может, ничего такого и не было (да скорее всего и не было), но самый факт, что выдумали именно это – о многом свидетельствует. Народная мечта: придёт кто-то умный и сильный, нас, дураков, научит и всё устроит, как сам знает. А мы в это даже и вмешиваться не будем. Зачем вмешиваться, когда он и сам всё знает.

Мечта вполне обломовская. Помните, Илья Ильич Обломов доводил свои дела до ручки, и тут появлялся кризисный управляющий немец Штольц и всё разруливал. Можно было и дальше не заниматься своими делами.

Это и есть тайный идеал нашего народа – не заниматься СВОИМИ ДЕЛАМИ. Он широчайшим образом проявляется и на уровне частного существования, и в общей, народной жизни. Именно поэтому у нас не удаются даже вроде и незатейливые вещи: кондоминиумы, кооперативы. Неохота... Пускай нам наладят. Известно, что большевики после революции тоже ждали революции в Германии, поскольку надеялись, что заниматься хозяйственной работой им не придётся: из Германии приедет красный Штольц и будет заниматься народным хозяйством, в частности, промышленностью. Известный историк Фурсов рассказал, что известный символ – серп и молот – непосредственно после революции означал союз промышленной Германии и аграрной России, а вовсе не союз рабочего класса и крестьянства. Такая трактовка родилась гораздо позже, когда поняли, что мировая революция не состоится и придётся заниматься индустриализацией своими силами. И ведь получилось!

Как только ослабляется давление в историческом котле, как только падает общая энергетика народа, немедленно появляется и овладевает массами мысль: ничего не надо выдумывать – сделаем по западному образцу, и всё получится прекрасно. Это как микроб, который никуда не девается, но особенно мощно размножается в ослабленном организме.

Западнизм в нашем народе – это всегда упадок духа и воли, нежелание взять ответственность за свою жизнь на себя.

Может ли народный характер меняться? Конечно, может, хотя и медленно и трудно. Чтобы изменить свой характер, и отдельному человеку, и народу надо упорно и длительно работать над собой. Звучит, конечно, неприятно, но по-другому не получается. А чтобы работать над собой, надо честно и прямо взглянуть на себя. Не скрывая от себя недостатков, но и не выпячивая их с мазохистским наслаждением. Нужен труд самопознания. В чём мои сильные стороны, на которые нужно опираться? В чём слабые стороны, которые надо либо поправить, либо сделать так, чтобы они наносили как можно меньше вреда? Нужна самокритика без самоуничтожения. Критика – это в первую голову всестороннее познание, а не осуждение или ругань, как многие полагают. Самопознание (самокритика) – это труд. Неизмеримо легче посыпать голову пеплом и раздражаться беспорядочными восклицаниями типа: дрянной народ! Нация рабов! Ничего у нас никогда не получится! Разрушили генофонд! Это просто, иногда эффективно, но всегда бесполезно.

Ещё проще – обижаться и возмущаться. И точно так же бесполезно. На самом деле, признать за собой слабость (как индивидуальную, так и национальную) не только не стыдно – необходимо. Это первый шаг к преодолению слабости. Отрицание слабости, напротив, загоняет её внутрь и только её усугубляет. Только признание и преодоление слабости создаёт силу. Сегодня нам очень нужна сила. А основой любой силы, от интеллектуальной до военной, является сила духа. Она правит бал, она – основа всего. Её можно увеличить. Нравственные мышцы можно так же накачать, как бицепсы и трицепсы.

Борьба с низкопоклонством – это борьба за личную активность. За то, чтобы заниматься своими делами в первом лице. Низкопоклонство преодолевается мужеством и активной самостоятельностью. Низкопоклонству противостоит личная ответственность, деятельная бодрость с ясным сознанием своего интереса и своих целей.

Сейчас многие психологи работают над повышением самооценки своих клиентов. Вообще, самооценке придаётся большое значение в достижении личного жизненного успеха.

Сегодня нам нужно повысить национальную самооценку, иначе успеха не видать. Молодое поколение надо начинать воспитывать в сознании гордости за свою страну и интереса к ней. Тут двусторонняя связь: больше знаешь – больше любишь, больше любишь – больше хочешь узнать. Сейчас мы наблюдаем определённое возрождение краеведения, в некоторых школах появился предмет «народная культура» – это очень полезное дело.

Нужно внимательно и любовно изучать русскую мысль – социологическую, философскую, экономическую. Русское искусство, русская архитектура – вот что нам надо культивировать, а не безлико-космополитические бетонные сараи.

Всеми нашему, собственному, самобытному – надо дать широкую дорогу и безусловный приоритет. Это должны быть незыблемые принципы образования и воспитания. Результаты скажутся через пару десятилетий.

Человек, воспитанный в любви к русскому духу, к своему, к исконному – с неизмеримо меньшей вероятностью вырастет предателем, чем тот, кто воспитан на заёмных, интернациональных учениях.

И разумеется, надо браться за большие дела и думать своей головой, без непременно оглядки на велемудрых западных учителей. Это трудно, но вполне достижимо.

То, что произошло с нашей страной – предстоит ещё долго осмыслять. Предательство элит – это заслуживает очень серьёзного размышления. Не поняв этого явления всесторонне или поняв поверхностно – трудно нам будет двигаться дальше.

Вспоминая Брежнева

В этом декабре вспоминали Брежнева по случаю его 110-тилетия. Десять лет назад, к 100-летию юбилею, фигура Брежнева представлялась в презрительно-издевательском стиле. Помню, был фильм, где Леонид Ильич был показан в виде вконец разложившегося старика, ни к чему не годного. Сегодня, по прошествии десятилетия, стиль радикально изменился. Сегодня преобладает ностальгически-похвальное отношение к Брежневу. Пробивает дорогу идея: застой был не застоєм, а золотым веком, вершиной советской (и российской) жизни. Всё было как надо – надёжно и гарантированно, а Советский Союз был неоспоримо великой державой.

Несколько лет назад я случайно оказалась в местном отделении одной из партий. Мы разговорились, и один из тамошних функционеров сказал как о давно решённом и очевидном: вот-де при Брежневе всё было изобретено и налажено, а нам надо просто взять и вернуться к той системе, и всё будет в порядке.

Разумеется, вернуться в прошлое никому ни разу не удавалось, но важно отношение к этому прошлому. Оно влияет на настоящее. Иногда влияет опасно и разрушительно. В 90-е был страшно популярен фильм «Россия, которую мы потеряли»: всё было так хорошо при царе, а потом пришли невесты откуда злые большевики и всё испортили. Сегодня на роль «России, которую мы потеряли» активно пробуетя брежневская эпоха. И это потенциально очень опасно. Брежневскую эпоху надо изучать и осмыслять, потому что многие, если не все уродства наших дней растут оттуда. Однако прежде, чем говорить об эпохе, немного о самом Брежневе.

Ничего дурного я о нём сказать не могу. Он упорно трудился, честно воевал. Что подхалимы представили его едва не творцом Победы и одновременно гением всех наук и искусств – это не имеет отношения к реальности. Можно его упрекнуть, что не остановил подхалимов, но всё-таки мелкое стариковское тщеславие – не такой уж страшный порок, бывают и похуже. Подогревалось оно подхалимами. Помню, на его 70-летие ВСЕ заметные литераторы отметились статьями на тему «Брежнев в моей судьбе». А С. Михалков, умеющий талантливо формулировать текущие начальственные предписания и руководящие указания, писал о 25-м съезде КПСС:

«У меня перед глазами
Зал Кремлевского дворца.
Выступает перед нами
Человек с душой бойца.
Человек партийной чести,
Он не раз бывал в бою
И вошел со мною вместе
В биографию мою.
Мы следим за каждым словом,
И доклад его таков,
Что ему внимать готовы
Люди всех материков,
Люди разных поколений
Всех народов, наций, рас...
Что сказать мне юной смене?
Был бы жив великий Ленин,
Ленин был бы горд за нас!
ЛЕНИН С НАМИ И СЕЙЧАС!».

Брежнев был хорошим руководителем, организатором реального дела. Он руководил восстановлением разрушенного войной Запорожья, где его уважают и любят до сих пор. Моя свекровь никогда не разрешала плохо говорить о Л.И. именно за его заслуги по восстановлению Запорожья. Она девочкой вернулась из эвакуации в Запорожье на развалины, а через пять лет семья въехала в благоустроенную квартиру. Это при том, что первыми восстанавливались заводы. (Отец её был мастером на «Запорожстали».) Потому речь не о Брежневе – речь об эпохе.

Эпоха Брежнева была временем разложения социализма, его ниспадающим отрезком. Часто спорят: одни говорят «разложение», а другие – «высшее достижение». На самом деле тут нет противоречия: разложение и падение почти всегда начинается тогда, когда ничто этого вроде не предвещает, и всё идёт прекрасно. Точно так происходит и в жизни деловых предприятий, и в маленькой человеческой жизни: скольжение вниз начинается с трудно завоёванной вершины. Вполне вероятно, что такова судьба Америки и вообще Запада. Мне кажется, универсальная причина, по которой начинается падение, – это религиозный кризис. Под религией я разумею систему верований (собственно религиозных, идеологических, атеистических – любых), которыми руководствуется общество в своей жизни. Они должны своевременно обновляться, общество должно получить новую идею, которая бы осветила «жизни мышью беготню» и повела вперёд.

При Сталине такой идеей было строительство социализма, нового, доселе невиданного справедливого общества, общества братства и общего дружного труда на благо всех. Там, за границей – волчьи законы капитализма, а у нас – всё по-другому. Это была вдохновляющая идея. Она создала советское общество, как некогда протестантизм послужил религиозной опорой капитализма.

И её, советскую идею, уничтожили своими руками. При Хрущёве было объявлено, что цель нашего движения – это, по сути дела, стать как все. Одновременно сказали, что целью внешней политики является мирное сосуществование со всеми странами. Коммунизм, как сформулировал сам Хрущёв в каком-то своём выступлении, это «блины с маслом и со сметаной». Сказано столь же смачно, сколь и разрушительно. Разрушительно потому, что выиграть на потребительском поле нашей стране никогда не светило. Это убедительно показал Андрей Паршев. При этом, безусловно, достойный современный комфорт и благосостояние можно сделать доступным всем, но нельзя было превращать это в цель.

Хрущёв со своими «блинами» просидел не так уж долго, и в 1964 г. началось новое царствование. Особо завиральные идеи, касающиеся армии, сельского хозяйства, были отменены или поправлены, но никакого нового верования, новой идеи, новой путеводной звезды – не возникло. Более того, на каждом съезде повторялось, что рост благосостояния народа – высшая цель политики партии. Вполне возможно, наверху никто и не осознавал необходимости новых верований. Новый мост, новая фабрика, новая ракета – это да, это дело, а верование – что в нём? Обойдёмся и со старым.

Говорят, что тогда была сплошная идеологическая накачка. Мне это кажется неверным. Да, издавались журналы и газеты, триндели радио и телевизор, но всё это делалось ритуально и машинально: ничего нового, «вкусного», волнующего, завлекательного – не было. Всё это была ритуальная жвачка, изжёванная до несъедобных целлюлозных волокон. Любопытно, что «на идеологию» в партийных и комсомольских организациях бросали тех, кто ни на что конкретное был не способен.

Вполне возможно, такое положение объясняется тем, что менеджер и идеолог – это совершенно разные психотипы, отчасти непонятные и чуждые друг другу. Сейчас, когда распространилась соционика (учение о психотипах) – это становится совершенно ясно. Так вот, в

партийно-хозяйственных кругах, по-видимому, ценились и выдвигались менеджеры по психотипу. А идеологи – так, по остаточному принципу.

Идейным светочем и стержнем брежневской поры стали те самые «блины с маслом и сметаной». Говорят, что в те времена много врал. Мне так не кажется: сейчас врут не меньше, а уж как врут западные СМИ – нам и не снилось. Дело не во вранье фактическом, а скорее в разнотыке между идеологией провозглашаемой и – подразумеваемой. Что-то машинально бубнили о коммунизме, а подразумевалось почти что бухаринское «Обогащайтесь!». И народ понял и подхватил подразумеваемое. Сложился глубоко бытовой, обывательский стиль жизни.

На первые места в жизни вышли «не кочегары и не плотники», а официанты и буфетчицы – не создатели, а распределители жизненных благ. Люди хотели получить их «здесь и сейчас», не дожидаясь коммунизма, в который никто не верил. Не то что в нём разуверились, просто как-то обронили по дороге к собственному уютному гнёздышку.

У моей подруги была соседка – буфетчица тётя Нина. Буфетчица сколотила некоторое состояние путём мелких мошенничеств – недолива того, недоложения сего... И накупила себе ваз и ковров. «Приду с работы, сяду на диван, под ногами – ковёр, на стенке – вазы. И сижу себе, девочки, – ну как королева!» – делилась своими жизненными достижениями тётя Нина.

А ещё почему-то было принято приобретать «брюлики», т. е. бриллианты. Хоть малюсенькие, но настоящие. Бриллианты вообще крайне редко бывают красивыми, для этого они должны быть заметными, т. е. большими, в 2–3 карата, не меньше, но в те времена об этом, понятно, и речи не было. Тогдашние «брюлики» были скорее неким символом высшей жизни, чем настоящим богатством или даже украшением. Но мода на них была. Все удачливые продавщицы стояли за прилавком в бриллиантах. Уже в 90-е годы, когда мы создавали совместное предприятие, куда входила тульская овощебаза. На этой почве я познакомилась с директрисой овощебазы и её подручными. Все дамы предстали с красным маникюром и с бриллиантами в ушах и на руках. И напомнили мне далёкую юность. В бриллиантовой гонке я, по правде сказать, не участвовала: как-то не интересовалась, просто не нравилось. Я предпочитала уральские самоцветы, которые тоже, по странности, было не так-то просто купить. А вот что нравилось очень – это кожаные изделия, появившиеся на рубеже 70-х и 80-х.

Жизненные достижения оценивались по уровню упакованности модными штучками. Помню, была какая-то молодёжная повесть, название и автора которой я не помню, где герой говорит: «Плохо одетые родители для детей не убедительны». Наверное, это был отрицательный герой, но его отношение к делу овладевало массами.

Вот такой сформировался стиль.

Стиль отдыха, частной маленькой жизни, быта, жизнеустройства. Помните, у Маяковского: «Я желаю – очень просто! – отдохнуть у этой речки». Вся жизнь стала обывательской, она была заточена на создание своего маленького уютика. Отсюда возник культ ширпотреба. А поскольку западный ширпотреб был неизмеримо лучше нашего, то естественным образом возник культ ширпотреба западного. Следующий переход, от культа западного ширпотреба – к культу Запада как такового, произошёл легко и естественно. Т. е. цепочка была такая: вакуум идей – обывательский стиль – культ ширпотреба – культ западного ширпотреба – культ Запада – плавная сдача всех позиций. Западный ширпотреб именно при Брежневе стал предметом культа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.